В петербургских СМИ по-прежнему обсуждается вопрос о «доске раздора» – барельефе финского маршала Маннергейма, установленному на Захарьевской улице, которого русофобствующие либералы пытаются представить «спасителем» Петербурга. Хотя памятная доска демонтирована и отправлена в Музей первой мировой войны, но споры не утихают, впереди ещё решение суда и... Нет, для ленинградцев, да и большинства петербуржцев слово «блокада» незабываемо и до сих пор отзывается болью в сердце. Блокада... Кажется, о ней уже всё сказано. Ан нет. Живут и никогда не смогут умереть воспоминания переживших её ленинградцев, а некоторые счастливчики ещё живы и могут сами рассказать о каких-то эпизодах, тяжёлых, а порой радостных или трогательных моментах пережитого.

Я беседую с Михаилом Васильевичем Мазовым в преддверии его дня рождения – 21 ноября ему исполняется 91 год. Каждый раз при встрече речь заходит о блокаде. Все её 900 дней его семья – отец, мать, бабушка, няня и тётя – прожили в доме на набережной реки Карповки.

– Почему Вы не эвакуировались? – Спрашиваю я Михаила Васильевича.

– Пытались, – отвечает он. – Отец работал в секретном конструкторском бюро, где разрабатывали особые прицелы для пушек. Выпущенные с их помощью один за другим два снаряда попадали в одну и ту же точку, пробивая броню у танков. В сентябре сорок первого он приходит домой и говорит, что завтра мы с ним едем в эвакуацию, только вдвоём. Ни о маме, ни о бабушке речи не было. Собрали нам какой-то минимум вещей, – в то время все были уверены, что война будет недолгой, через два – три месяца закончится. Утром собираемся на Финляндский вокзал. Моя бабушка – Ноготушкина Ольга Алексеевна любила погадать, – Ми-

хаил Васильевич улыбнулся. – Раскинула она картишки, пожимает плечами: «Нет, не вижу я никакой дороги». Мы простились, приехали на вокзал, стоит состав, объявили посадку на Выборг. Народу было, – не сосчитать. Но мы с отцом кое-как втиснулись в вагон. Стоим. И поезд стоит. Вдруг объявление, что таких-то, в том числе и отца, просят вернуться на вокзал. Тут обратная задача – с трудом, но выбрались из вагона. Оказалось, что папино конструкторское бюро в последнюю минуту решили не эвакуировать. Так и прожили всю блокаду в Ленинграде. Бабушка оказалась права. До сих пор вспоминаю её слова: «Не вижу я никакой дороги». Было у неё какое-то ясновидение, что ли, что-то подсказывали ей карты. Причём не единожды. Уже в разгар блокады – деньги тогда цены не имели – был всеобщий, как бы сейчас сказали бартер – обмен: вещи, золото серебро, табак – всё менялось на хлеб. Впрочем, об этом столько сказано и написано, что можно и не повторять. Я о гадании. Собрала бабушка мне с отцом какие-то вещички, несколько пачек табака – отец не курил, а табак им выдавали. Перед отъездом бабушка смотрит в карты и говорит: «Зря едете, ничего не привезёте. Впрочем, на обратном пути, может быть, что-то удастся». Как в воду глядела. В деревне ничего выменять не удалось. Зима, холодно, замёрзли. Возвращаемся. У Финляндского вокзала навстречу идёт офицер, спрашивает нас, нет ли табака. Пришли домой с хлебом и картошкой.

На письменном столе Михаила Васильевича в красивой старинной рамке стоит портрет его отца – Василия Михайловича. Человек он был неординарным, его привлекла живопись, хотел стать художником, поступил в Художественное училище Штиглица (позже им. В. Мухиной), окончил его, но... стране были нужны инженеры, и Василий Михайлович заканчивает Политехнический институт, становится конструктором. Но любовь к живописи и рисунку остаётся его самой большой страстью, и её он проносит через всю жизнь. Сам рисовал и писал картины сравнительно немного, но всю жизнь изучал творения старых мастеров, собирал картины, многие из них экспонировались на различных выставках в

Мазов
Василий Михайлович

советское время, коллекционировал книги по искусству. В книжном шкафу золотятся переплёты дореволюционного 100-томного издания Словаря Брокгауза и Эфрона. Напротив письменного стола в красивой старинной раме висит портрет молодой женщины в профиль в платье серебристо-жемчужного цвета с голубыми лентами. Это работа известного российского художника академической школы Тимофея Андреевича Неффа (1805 г. Эстляндская губерния – 1876 г. Санкт-Петербург). Михаил Васильевич обращает моё внимание на эту картину и продолжает рассказ.

– Это работа Тимолеона Карла фон Неффа, имя Тимофей Андреевич вместе с дворянством ему было пожаловано царским указом. Отец очень дорожил этой картиной и не только за мастерство исполнения, но и..., – он на минутку умолк, – это память о блокаде. У бабушки до революции была мастерская блузок. Бабушка, например дружила с Хитрово. Позже клиентки «из бывших» предлагали иногда что-то из фамильных собраний – книги, дагерротипы, альбомы, рисунки – то, что отец коллекционировал. У кого-то увидел этот портрет кисти Неффа. Он поразил его, запал в душу. Но владелица расставаться с ним не собиралась ни при каких обстоятельствах. Да и о покупке не могло быть речи, таких денег у нас в семье не было. Во время войны отцу часто приходилось выезжать на фронт, на испытания новых разработок конструкторского бюро. За одно из военных изобретений он был награждён орденом Красного Знамени. Вернулся он после одной из таких командировок и говорит, что надо бы навестить этого коллекционера. Пошли мы с ним, поднимаемся по лестнице, света нет, тёмная лестница, вся покрыта льдом, долго стучим в дверь. Наконец, какая-то старуха открыла дверь, впрочем, тогда, да ещё в темноте, мне все казались старухами. Отец называет имя, к сожалению, я его запамятовал. «Нету её, умерла», – говорит эта женщина и захлопывает дверь. Мы развернулись, осторожно спускаемся, прошли пролёт, вдруг хлопнула дверь: «Подождите! Как ваша фамилия?». Отец назвал. «Вернитесь. Она просила Вам передать». Мы поднялись. Соседка выносит завёрнутую картину, на которой написано одно слово – Мазову.

– Да. Михаил Васильевич! Какие были всё-таки благородные люди. Не говоря уже о владелице картины, но даже соседка! Голод, холод! Такая ценность в руках! А она выполняет последнюю волю умершей. Мне часто приходилось общаться с блокадниками. И всегда – самопожертвование, доброта, чуткость, стремление помочь другому, чувство долга. Куда всё это делось в наше время?

Мы ещё долго разговариваем о блокаде. Михаил Васильевич рассказывает, что в 1941 году школа не работала. Но директор школы помогал подросткам. Устраивал их на работу: рабочая карточка – это уже был шаг к выживанию. Он привёл его в госпиталь.

– Госпиталь был в нашей школе. Стал я санитаром. Отправили меня что-то принести из подвала. Спускаюсь, подвал затоплен водой, а в ней плавают трупы, отрезанные руки, ноги, голова... Я выскочил оттуда, чуть ли не в обмороке. Не получился из меня санитар. Но директор меня понял, не осудил. Потом отвёл на завод, где я электриком и проработал всю блокаду.

Мы рассматриваем альбомы, фотографии тех лет. Фотография его жены – Евдокии Викторовны Лазаревой, она тоже всю блокаду жила в Ленинграде. После смерти отца в начале 1942 года, когда ей исполнилось 15 лет, её приняли на работу на легендарную 5-ую ТЭЦ, долгое время единственную снабжавшую блокадный город электричеством. На чёрно-белой фотографии, раскрашенной красным карандашом, молодая девушка с красивой причёской в обрамлении венка из роз.

Е.В. Лазарева

Е.В. Лазарева и Антонина Старовойтова

– Неужели это фотография из блокады, – удивляюсь я.

– Да, это я, а на этой фотографии со своей подружкой. Мы же на ТЭЦ находились на казарменном положении. У нас работала парикмахерская, было собственное фотоателье. Всё как в мирное время. Однажды я иду на своё рабочее место мимо комнаты фотографа. Она меня окликнула: «Зайди ко мне». Захожу, а у неё парикмахер заканчивает укладку моей подружке. Фотограф говорит: «Сейчас и тебе сделают причёску, а потом я вас сфотографирую». Сфотографировала, сделала фотомонтаж. Эта фотография висела у неё на стене как реклама её мастерства.

– Да, редкая фотография для блокады.

– Блокада блокадой. Но жизнь-то продолжалась с её бедами, горестями. Но мы были молодыми, а вот такие маленькими радости способствовали выживанию. Я иногда смотрю на эти фотографии и не верится, что мы это всё пережили, выдюжили, не сдались... Ведь и театры работали... Искусство. Оно тоже помогало в блокаду не только выживать, но и победить.

Я прощаюсь с этими удивительными людьми, стойко пережившими блокаду и недавно отметившими изумрудную свадьбу – 55 лет вместе! По ассоциации с Василием Михайловичем Мазовым вспоминаю одну из историй Марка Семёновича Немцова, профессора, лауреата Ленинской премии, в лаборатории которого мы работали вместе с Евдокией Викторовной Лазаревой. Он был ровесником XX века, щедро одарён талантами, что позволило

М.В. Мазов и Е.В. Лазарева в день изумрудной свадьбы

ему одновременно быть студентом Академии художеств, консерватории и Политехнического института. Правда, когда такое «совмещение» вузов было запрещено, остался только Политехнический институт и такая же страсть, как и у В.М. Мазова, к произведениям искусства. Марку Семёновичу не довелось жить в блокированном Ленинграде – он был арестован перед самым началом войны и как враг народа эвакуирован из Ленинграда в Андижанскую тюрьму. О своей жизни он написал в 1990 году интересные мемуары «Воспоминания и размышления. (Записки химика)», один машинописный экземпляр которых подарил мне. При жизни ему не удалось их напечатать. В первые годы перестройки я опубликовала их, снабдив необходимыми примечаниями и кратким послесловием. Приведу отрывок из этой книги, связанный с хобби Марка Семёновича – коллекционированием произведений искусства.

«Характерной чертой того времени являлись также нелепые “правовые нормы” в отношении членов семьи “врагов народа”, сокращённо именуемых “ЧС”. Так, например, жена моего “однодельца” В.В. Ипатьева, сохранившая свою добрачную фамилию, в списки “ЧС” по существующему положению вообще не попадала, и соответственно оставалась на свободе. Моя же жена, Изобелла Иосифовна Немцова, неосторожно получив мою фамилию, в соответствующие списки попала, что, однако, выяснилось значительно позднее. Она продолжала работать в поликлинике

М.С. Немцов

при больнице в блокадном Ленинграде, проживая в нашей квартире, вплоть до происшествия, своеобразие которого стоит более подробного описания.

В ноябре 1941 года во время налёта немецкой авиации, когда жена успела спуститься в бомбоубежище, в нашей квартире, находившейся в третьем этаже пятиэтажного дома, одновременно взорвались две авиабомбы. При этом существенно отметить, что в вышерасположенных аналогичных квартирах были лишь пробиты потолки и полы без их значительных разрушений, в то время как в нашем третьем этаже характер этих разрушений оказался несоизмеримым. Для иллюстрации этого факта приведём пример. Так, в нашей комнате, где произошли взрывы бомбы, стояло пианино красного дерева, которое в результате взрыва практически превратилось в древесную пыль. От инструмента же осталась лишь голая согнутая металлическая рама с разорванными струнами. Кстати, наряду с этим, в этой же комнате висела в большой фигурной раме картина известного художника акварелиста Верещагина, изображавшая поклонение волхвов Богоматери с младенцем на руках, причём вокруг их голов были нанесены тонкие нимбы. Как это принято для обеспечения сохранности акварели, картина находилась под стеклом. По почти невероятной случайности взрывная волна оказалась так направленной, что оставила целой даже стекло. Как не увидеть в этом чуде божественного вмешательства!

Впрочем, не меньшим по своей невероятности чудом, уже без божественного участия, можно признать и другую счастливейшую случайность, произошедшую в момент взрыва. На упомянутом пианино стояла мраморная скульптура – бюст маленькой очаровательной девочки, который был мною приобретён в середине двадцатых годов в комиссионном магазине за небольшие деньги. В то время ни работники магазина, ни я сам, конечно, не имели представления о действительной ценности этого произведения искусства. (...)

Продолжая прерванное описание разрыва бомбы в нашей квартире, следует отметить, что моя жена на другой день нашла

её (скульптуру, позже идентифицированную как Сабину – *Т. Л.*) на первом этаже в груде строительного мусора, образовавшейся из обломков перекрытий всех пяти этажей. Каково же было её удивление, когда единственным повреждением скульптуры оказалась лишь небольшая царапина на носу Сабины, которая в настоящее время практически незаметна. Однако, если первая разорвавшаяся в нашей квартире бомба оказалась столь либеральной, что пощадила даже мраморный портрет Сабины, то вторая бомба разорвалась в другой комнате, где в тот день ночевали шесть человек, причём все они оказались убитыми наповал.

Сабина Ж.Б. Гудона

Жена со спасённой Сабиной и с остатками других найденных вещей переселилась в другую квартиру, где прожила четыре месяца до тех пор, когда о ней вспомнили как о “ЧС”, и 18 марта 1942 года вывезли из Ленинграда по ещё покрытому льдом Ладожскому озеру вместе с другим высылаемым из блокадного Ленинграда “ненадёжным элементом”. Естественно, что тяжёлую мраморную Сабину пришлось оставить у дальних родственников, и тот факт, что она сохранилась в блокадном Ленинграде в полной сохранности до 1946 года, когда я возвратился после освобождения из тюрьмы, также нельзя рассматривать иначе, как невероятную удачу. (...)

...для меня, как несостоявшегося скульптора-профессионала, исключительно высокое художественное совершенство этой скульптуры сомнений не вызывало. Более того, из специальной литературы я выяснил, что наша “девочка” является портретом Сабины, старшей дочери гениального французского скульптора Жана Батиста Гудона, причём аналогичный бюст, выполненный в виде гипсового слепка, находится в Гудоновском зале Лувра в Париже. Ещё два варианта в мраморе имеются в других крупнейших музеях мира. О существовании четвёртого воспроизведения Сабины в литературе не сообщалось. Таким образом, можно было предполагать, что наша Сабина является копией, изготовленной другим выдающимся скульптуром.

Так, например, известно, что Екатерина II заказывала замечательному русскому скульптору Федоту Шубину изготовление копий подобных известных скульптур. Тем не менее, не исключалась возможность того, что наша Сабина является ещё одним подлинником, неизвестным в литературе. Поэтому я както позвонил по телефону в Эрмитаж и сообщил о своём предположении с просьбой произвести его проверку. Однако, несмотря на обещание, никто ко мне не приехал, полагая, что найти неизвестный в течение двух веков подобный образец мирового искусства столь же невероятно, как обнаружить вторую Венеру Милосскую! И лишь в середине восьмидесятых годов, посетив очередную выставку в Эрмитаже, я лично встретился со специалистом по западноевропейскому искусству – Н.К. Косыревой, которая организовала экспертизу, установившую подлинность этого замечательного произведения, датируемого 1791 годом. В этих условиях оставлять у себя подобный шедевр в “личном пользовании” было, естественно, невозможным, и Сабина оказалась обитательницей Гудоновского зала одного из лучших музеев мира – Эрмитажа».

В своих воспоминаниях М.С. Немцов не уточняет, что он подарил эту скульптуру Эрмитажу. Об этом бесценном даре в то время прошли сообщения в ленинградской прессе. Сотрудники Эрмитажа сделали для М.С. Немцова большую фотографию Сабины, которая всегда стояла в его кабинете на письменном столе.

Картина, художественные фотографии, скульптура из блокады... Не хлебом единым жив человек.

Санкт-Петербург